

Самоубійство, насильственное прекращеніе собственной жизни. Побудительныя причины къ С. бываютъ чрезвычайно разнообразны. Развратъ и пьянство весьма часто ведутъ къ С.; но кромѣ страстей и пороковъ, и другія причины, какъ напр. горе, заботы и тяжелая жизнь перѣдко приводятъ людей къ самоуничтоженію. Въ средніе вѣка С., какъ преступленіе, наказывалось нечестнымъ погребеніемъ, и попытка къ С. лишеніемъ имущества, теперь же, такъ какъ признано, что не всегда можно констатировать, былъ ли самоубійца въ нормальномъ умственномъ состояніи, какъ С. такъ и попытка къ нему, по европейскимъ законамъ, остаются безнаказанными. Статистическая группировка случаевъ С. по побужденіямъ невозможна и относящіяся къ подобной группировкѣ цифры представляютъ собой лишь приблизительныя данныя. Но даже и самое число С. трудно опредѣляется статистикой, т. к. не всегда легко отличить С. отъ убійства и естественной смерти. Однако несомнѣнные случаи С. представляютъ достаточный матеріалъ для научныхъ наблюдений. Т. о. съ нѣкоторою увѣренностью можно сказать на основаніи статистическихъ данныхъ, что число С. тѣсно связано со степенью благосостоянія страны. Съ увеличеніемъ богатства какой либо страны понижается цифра С. и наоборотъ.

Въ періодъ 1886—90, на 100,000, самоубійць было:

въ Саксоніи	32,0	въ Баваріи	13,5
„ Даниі	25,3	„ Бельгіи	11,3
„ Швейцаріи	22,3	„ Швеціи	11,5
„ Франціи	21,3	„ Англіи	8,9
„ Пруссіи	19,7	„ Нидерландахъ	5,5
„ Баденъ	19,2	„ Італіи	5,1
„ Австріи	16,0	„ Россіи	2,7
„ Вюртембергъ	15,4	„ Норвегіи	2,7

Возрастъ служитъ важнымъ факторомъ въ статистикѣ С. Изслѣдованія въ Пруссіи показали, что въ періодъ времени 1887—1894 съ повышеніемъ возраста усиливалась и склонность къ С. и только отъ 25—30 лѣтняго возраста число С. не повышается. Способы прекращенія собственной жизни весьма разнообразны; но въ большинствѣ случаевъ самоубійцы вѣшаются, томятся, застрѣливаются и отравляются, чаще всего примѣняется первый способъ. См. Staël, „Sur le suicide“ (Стокг., 1812); Stäudlin, „Geschichte der Vorstellungen und Lehren vom Selbstmord“ (Гётт., 1824); Schopenhauer, „Parerga und Paralipomena“; Emminghaus, „Die Behandlung des Selbstmordes in der Lebensversicherung“ (Леіпц., 1875); A. von Oettingen, „Ueber akuten und chronischen Selbstmord“ (1881); Richter, „Die Zunahme des Selbstmordes in Sachsen“ (Леіпц., 1882); Masaryk, „Der Selbstmord als soziale Massenerscheinung der modernen Zivilisation“ (Вѣна, 1881); Rehfisch, „Der Selbstmord, eine kritische Studie“ (Берл., 1893); E. Ferri, „L'omicidio-suicidio“ (Тур.

1895); „Selbstmordstatistik der wichtigsten Länder Europas“ въ „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“, (Iena, 1894); Motta, „Bibliografia del suicidio“ (Turin, 1890).

С. встрѣчается уже въ глубокой древности. Исторія законодательныхъ о немъ постановленій въ высшей степени поучительна. Она показываетъ, какъ подъ вліяніемъ измѣнившихся этическихъ и религіозныхъ взглядовъ, дѣяніе С. изъ непроступнаго и даже похвальнаго было возведено на степень преступленія. Въ древности С. не было наказуемо. Жизнь человѣка считалась принадлежащей государству и потому только тогда С. влекло за собою карательныя послѣдствія, когда имъ наносился ущербъ государству. Такъ, въ Греціи С. безъ разрѣшенія народнаго правительства сопровождалось атиміей. Въ Римѣ С. каралось конфискаціей, если виновникомъ его было лицо, обвиненное въ *crimen capitale* или застигнутое *in flagranti*; покушеніе на С. было наказуемо лишь въ случаѣ учиненія его воиномъ (L. 6 § 7 D. 49. 16). Введеніе христіанства произвело въ этой постановкѣ вопроса цѣлый переворотъ. С. было объявлено дѣломъ грѣховнымъ, продуктомъ дьявольской ярости (соборъ въ Арлѣ 452); самоубійцы были лишены христіанскаго погребенія (соборъ въ Braga, 563, Auxerre 576, Troyes IX в.). Этотъ взглядъ, выработанный каноническимъ правомъ, проникъ и въ право обычное. Кутюмы Beaumont en Argonne предписывалъ позорное влаченіе тѣла самоубійцы по улицамъ, а затѣмъ повѣшеніе его. Еще ордонансъ 1670 содержитъ аналогичное правило. Въ доктринахъ высказывались тѣ же взгляды: Карцовъ, напр., находилъ, что С. преступнѣе убійства, ибо послѣднее есть гибель тѣла, тогда какъ первое есть гибель и тѣла, и души. Во Франціи только революціонные кодексы объявили ненаказуемость С.; кодексы же германской семьи вернулись къ римской точкѣ зрѣнія во второй половинѣ XVIII в. У насъ С. вѣдалось церковными судами и весьма рано было признано дѣяніемъ грѣховнымъ, влекущимъ за собой невыгодныя послѣдствія (лишеніе христіанскаго погребенія). При семъ составъ С. расширялся на всевозможные способы умышеннаго и даже неосторожнаго лишенія жизни, напр. чрезъ „опитіе виномъ“ (Заказная память 1658 соборному протопопу). Митрополитъ Адрианъ писалъ, между прочимъ, чтобы самоубійцы „у церкви Божьей не погребать и надъ ними отиѣвать не велѣть, а велѣть ихъ класть въ лѣсу или на полѣ, кромѣ кладбища и убогихъ домовъ“ (1697). Со времени Петра В. и свѣтское законодательство начинаетъ обращать вниманіе на С. Согласно арт. 164 гл. XIX Воинск. Уст. 1716 предписывалось тѣло самоубійцы „на лачу въ безчестное мѣсто отволочь и закопать, волоча прежде по улицамъ или

САМОУБИЙСТВО.

обозу“. Наказанію не примѣнялось, если С. было учинено вслѣдствіе безпамятства, болѣзни или меланхоліи; въ случаяхъ покушенія—наказаніе по усмотрѣнію судьи. По своду зак. за С. полагалось лишеніе христіанскаго погребенія (ст. 347), за покушеніе на оное—церковное покаяніе. Кромѣ того законы гражданскіе (т. X, ч. 1, ст. 1016 и сл.) лишали распоряженія самоубійцы на случай смерти всякаго юридическаго значенія.

Нечего и говорить, что карательныя постановленія въ отношеніи самоубійць не выдерживаютъ никакой критики. Самоубійца наказанія не чувствуетъ; всю тяжесть его несутъ ни въ чемъ неповинные его родственники. Посему можно спорить лишь о томъ, преступно ли С. Фейербахъ находилъ, что всякій, кто пользуется благами юридически организованной жизни въ государствѣ, обязанъ служить послѣднему всѣми своими силами; убивая себя, человекъ изъемяетъ эти силы изъ распоряженія государства. Однако, преступность С. была бы обоснована лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было доказать наличность обязанности жить во что бы то ни стало, а этого, конечно, нѣтъ. Кромѣ того, С. нарушаетъ лишь отношенія виновнаго къ самому себѣ, регулируемыя нравственностью, религіей, но не правомъ; съ точки зрѣнія послѣдняго С. есть дѣяніе безразличное. Изъ непреступности С. вытекаетъ, какъ ся логическое слѣдствіе, непаказуемость соучастія въ С. и покушенія на оное. Современные кодексы, согласно указаніямъ доктрины, единодушно вычеркнули С. изъ списка наказуемыхъ дѣяній; только англійское и русское право составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. По дѣйствующему нашему уложенію (ст. 1472) „лишившій себя жизни съ намѣреніемъ и не въ безуміи, сумасшествіи или временномъ отъ какихъ либо болѣзненныхъ припадковъ безпамятствѣ, признается неимѣвшимъ права дѣлать предсмертныя распоряженія, и потому какъ духовное завѣщаніе его, такъ и вообще всякая какимъ бы то ни было образомъ въ отношеніи къ дѣтямъ, воспитанникамъ, служителямъ, имуществу или къ чему либо иному изъявленная ими воля не приводятся въ исполненіе, а считаются ничтожными. Если же самоубійца принадлежалъ къ одному изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, то онъ лишается христіанскаго погребенія“. Покушеніе на С. влечетъ за собой духовное покаяніе (ст. 1473). Однако, постановленія эти не примѣняются, если С. было вызвано мотивами патріотизма или чести (послѣднее лишь въ примѣненіи къ женщинѣ, угрожаемой насиліемъ, иначо неотвратимымъ). Соучастіе въ С. конструируется, какъ 1) склоненіе къ С.; 2) доставленіе средствъ къ оному, и 3) всякое иное участіе въ совершеніи С. Наказуемость—какъ за пособіе къ умышленному убійству (ст. 1474). Особо предусмотрѣнъ спеціальныи деликтъ

жестокаго обращенія родителей, опекуновъ или иныхъ облеченныхъ властью лицъ съ подлежащими ихъ попеченію лицами, чрезъ что послѣднія были побуждены къ С. Наказуемость—тюрьма съ лишеніемъ правъ, а для христіанъ—духовное покаянiе.

Новое уголовное уложеніе не признаетъ С. преступнымъ; съ тѣмъ вмѣстѣ надасть и наказуемость покушенія на оное и соучастіе. Нѣкоторыя формы послѣдняго, однако, предусмотрѣны уложеніемъ, какъ самостоятельныя деликты, а именно: 1) доставленіе средствъ къ С., если послѣднее вслѣдствіе сего послѣдовало—заключеніе въ исправительномъ домѣ или въ крѣпости до 3 л. 2) подговоръ къ С. лица, не достигшаго совершеннолѣтія, или завѣдомо неспособнаго поимать значенія имъ совершаемаго или руководить своими поступками; 3) содѣйствіе С. такихъ лицъ совѣтомъ, указаніемъ, доставленіемъ средствъ. Послѣдніе 2 деликта караются каторгою на срокъ не свыше 8 л. Необходимымъ условіемъ примѣненія наказанія является дѣйствительное учиненіе С. или покушенія на оное. См. Morselli, „Il suicidio“ (1879); Durkheim, „Le suicide“ (1897); Legoyt, „Le suicide ancien et moderne“ (1881); Таганцевъ, „О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву“ (1870); Лихачевъ, „С. въ Западн. Европѣ и въ Евр. Россіи“ (1882); „Объяснит. зап. къ проекту Ред. Комм.“ т. VI.

Самоубійство у животныхъ.

Уже въ древности думали, что нѣкоторыя животныя, находясь въ безвыходномъ положеніи, прибѣгаютъ къ С., напримѣръ скорпіонъ, окруженный кольцомъ огня, жалитъ себя на смерть въ голову, а равно и ядовитыя змѣи въ плѣну поканчиваются съ собой смертельнымъ самоукушеніемъ. На первый взглядъ кажется невѣроятнымъ, чтобы животное прибѣгло къ преднамѣренному С., такъ какъ трудно предположить у нихъ какое либо представленіе о смерти. Между тѣмъ Томсонъ, Рэ-Ланкестеръ и друг. наблюдали, что скорпіонъ при дѣйствіи на него сильнаго жара, если напримѣръ на него направить концентрированныя солнечныя лучи, ударяетъ себя своимъ жаломъ и затѣмъ быстро околѣваетъ. Прейеръ и Бурнъ, однако, показали, что эти животныя уже при температурѣ въ 50° погибаютъ, а причиною того, что животное даетъ извѣстное направленіе своему жалу, служитъ сильная боль въ головѣ, заставляющая направить жало впередъ, туда, гдѣ оно думаетъ встрѣтить непріятеля, причинившаго эту боль. Ядовитыя змѣи еще менѣе, чѣмъ скорпіоны, способны убить себя собственнымъ ядомъ, такъ какъ онъ почти совершенно безвреденъ для нихъ самихъ. Часто бываетъ, что животныя въ неволѣ отказываются отъ пищи и вслѣдствіе этого быстро умираютъ съ голоду. Но въ такихъ случаяхъ отказъ отъ пищи является результатомъ разстройства ихъ здоровья, а не намѣренія убить себя, точно такъ же, какъ у собаки на могилѣ хозяина смерть происходитъ не отъ намѣренія покопчить съ собою, а отъ печали и чежеланія ѣсть. Прежде считали предшествующими С. дѣйствіями и такія явленія, какъ отбрасываніе конечностей и частей тѣла ракообразными, морскими звѣздами и голотуріями, но эта способность уже скорѣе будетъ средствомъ самозащиты. См. *автомія*; Preyer, „Aus Natur- und Menschenleben“ (Берл., 1885); Bourne, „The reputed suicide of Scorpions“ въ „Proceedings of the London Society“, т. 42 (1887).

Самоувѣчье, собственнаго тѣла, въ знакъ печали практиковалось у древнихъ и практикуется и понынѣ у первобытныхъ народовъ. Жители Никобарскихъ о—въ сжигаютъ все имущество умершаго, а вдова его должна отрубить себѣ суставъ пальца. На о—вахъ Фиджи при погребеніи начальника требуется жертва въ 100 пальцевъ. Эта жертва пальцевъ очевидно замѣнила жертву жизни для вдовы и подчиненныхъ умершаго. На Сандвичевыхъ о—вахъ при смерти властителя каждому подданному вышибался передній зубъ или отрѣзались уши. Въ Лакедемоніи при смерти царя мужчины и женщины собиравшись толпами и иглами или шипами раздирали себѣ лбы до крови.

Самоуправленіе, право, предоставляемое государствомъ своимъ составнымъ частямъ, областямъ, общинамъ, сословіямъ, и корпораціямъ, управлять самостоятельно своими внутренними дѣлами, административными и хозяйственными, подъ контролемъ агентовъ правительственной власти. Препимущества С. передъ бюрократическимъ управленіемъ признаются въ томъ, что собственный интересъ членовъ общества или сословія заставляетъ внимательно и добросовѣстно относиться къ общему дѣлу. Въ Россіи сословное и городское С. введено было при Екатеринѣ II; сельское для государственныхъ крестьянъ при Николаѣ I, для остальныхъ при Александрѣ II, при немъ же даровано было С. земское въ 1864, съуженное 1889, и университетское 1863, отмѣненное 1884.

Самоуправство, по толкованію сената есть самовольное осуществленіе своего права, съ насиліемъ или безъ насилія, но при такихъ условіяхъ, при которыхъ виновный обязанъ былъ и имѣлъ возможность для осуществленія этого права обратиться къ содѣйствию законной власти (1870/1507 Бѣликова). Согласно сему опредѣленію составъ С. по нашему праву характеризуется слѣдующими признаками: 1) виновный долженъ обладать извѣстнымъ правомъ или почитать себя обладающимъ онымъ; 2) онъ долженъ дѣйствовать для осуществленія этого дѣйствительнаго или предполагаемаго права; 3) но дѣйствія эти должны быть самовольными, т. е. не въ указанномъ законами порядкѣ и съ нарушеніемъ правъ другого лица (1871/785 Березовскаго). Позднѣе сенатъ призналъ, что

дѣйствія виновнаго должны сопровождаться насиліемъ противъ потерпѣвшаго или же должны быть учиняемы, хотя и безъ насилія, но вопреки ясно выраженной волѣ потерпѣвшаго (1885/7 Дебон). Наши комментаторы признаютъ насиліе существеннымъ признакомъ С., а проф. Фойницкій считаетъ даже С. видомъ насилія. Въ законѣ понятие С. не опредѣлено; ст. 142 мир. уст. гласитъ: за С., а равно за употребленіе насилія, однако безъ нанесенія тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья, виновные подвергаются аресту не свыше 3 мѣсяцевъ.

Въ уложеніи 1903 С. конструировано, какъ видъ принужденія, причемъ отъ общаго понятія принужденія С. отличается тѣмъ, что виновный въ немъ долженъ имѣть достаточное основаніе предполагать, что принужденіемъ оиъ осуществляетъ свое право; наказуемость — арестъ не свыше 3 мѣсяцевъ или денежная пеня не свыше 300 р. (ст. 507). Нарушенія домового права, входившія въ составъ С. по уставу, въ уложеніи выдѣлены въ *delicta sui generis*: 1) умысленный входъ въ чужое зданіе, помещеніе или иное огороженное мѣсто вопреки волѣ хозяина; 2) неоставленіе такихъ мѣстъ несмотря на требованіе о томъ хозяина; 3) нахожденіе въ нихъ ночью, если доступъ въ оныя былъ произведенъ противъ желанія хозяина. Наказуемость варьируется между арестомъ и тюрьмою (ст. 511—512). См. Неклюдовъ, „Руководство къ особ. г. русск. угол. права“ (т. I); Фойницкій, особ. часть; „Объясн. Зап. къ проекту Ред. Комм.“, т. VI.

Самосознаніе, сознаніе (знаніе) о нашемъ собственномъ „я“, въ противоположность сознанію объ объективномъ мірѣ. Подобно тому какъ наши представленія о внѣшнихъ объектахъ коренятся въ впечатлѣніяхъ внѣшнихъ чувствъ и опредѣляются ихъ качествомъ и степенью напряженности, такъ и С. должны соответствовать простые факты, данныя во внутреннемъ опытѣ. Такимъ опытомъ являются тѣ ощущенія, источникъ которыхъ лежитъ въ самомъ организмѣ, слѣдовательно, такъ назыв. общія чувства, къ которымъ относятся также ощущенія движенія, обусловленныя движеніями членовъ тѣла и органовъ чувствъ. Соответственно неопредѣленному характеру этихъ ощущеній, достигающихъ въ большинствѣ случаевъ очень нечетливо нашего сознанія, также и основанное на нихъ (чувственное) С. представляется неяснымъ и расплывчатымъ; болѣе напряженное и опредѣленное С. тождественно съ сознаніемъ собственнаго дѣйствительнаго бытія, т. е. находится въ тѣсной связи съ функціей воли, независимо отъ того, направлена ли послѣдняя на внутренній (на наши представленія) или на внѣшній мірѣ. Тому обстоятельству, что данныя элементы неизмѣнно присутствуютъ въ сознаніи, соответствуютъ и характеристическія качества С.: его постоянство (въ то время какъ прочее содержаніе сознанія можетъ измѣняться). Оба эти качества не существуютъ, конечно, въ абсолютномъ смыслѣ: во снѣ часто мы представляемся себѣ совершенно иными, чѣмъ въ бодрствованіи, душевно больные періодически испытываютъ смѣну двухъ совершенно различныхъ личностей и т. п. Происходитъ это потому, что наше С. впервые получаетъ свой индивидуальный отпечатокъ отъ все-

ГО КОМПЛЕКСА ВОСПОМИНАНІЙ, СТРЕМЛЕНІЙ, ОЖИДАНІЙ И Т. П., КОТОРЫЙ ПУТЕМЪ АССОЦІАЦІИ СВЯЗЫВАЕТСЯ СЪ УПОМЯНУТЫМИ ОСНОВНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ И КОТОРЫЙ МЫ ПОЭТОМУ ОТНОСИМЪ КЪ НАШЕМУ „Я“; ТАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВСЯКОЕ ИЗМѢНЕНІЕ ВЪ ЭТОМЪ КОМПЛЕКСѢ СООТВѢТСТВЕННО ВЫЗЫВАЕТЪ МОДИФИКАЦІЮ С.